

«ЦЕРБИН, ИЛИ НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ» Я. М. Р. ЛЕНЦА В КОНТЕКСТЕ «БУРИ И НАТИСКА»

Н. В. Гладилин

Аннотация. В отечественном литературоведении практически обойдена вниманием проза немецкого писателя Я. М. Р. Ленца, который больше известен как драматург и теоретик литературы. Настоящая статья частично восполняет этот пробел: анализируется повесть Ленца «Цербин, или Новая философия» (1775). С одной стороны, устанавливается соответствие проблематики и мотивов повести художественной парадигме движения «Буря и натиск», с другой – выясняется смысл подзаголовка «новая философия». Делается вывод, что протагонист повести последовательно исповедует различные, даже полярные модные философские доктрины, но ни одна из них не способна принести ему практическое счастье. В итоге терпит крах ключевая греза «штюрмеров» – об автономном субъекте, полагающемся только на себя. Поведение протагониста постоянно детерминировано чужими дискурсами, он не в силах найти их равнодействующую, что приводит его к бесчестному поступку и гибели. Здесь Ленц выступает как типичный представитель «Бури и натиска» и вместе с тем как предтеча модернистской литературы с такими ее чертами, как расколотое «я», несовместимость идеала и действительности, отчуждение и овеществление человека в социуме.

Ключевые слова: Я. М. Р. Ленц, «Буря и натиск», философия Просвещения, автономный субъект, детерминированность дискурсами, расколотое «я», протомодернизм.

Для цитирования: Гладилин Н. В. «Цербин, или Новая философия» Я. М. Р. Ленца в контексте «Бури и натиска» // Наука и школа. 2022. № 3. С. 11–19. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-11-19.

© Гладилин Н. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

**“ZERBIN, OR THE NEWER PHILOSOPHY” BY J. M. R. LENZ
WITH REFERENCE TO “STURM UND DRANG”**

N. V. Gladilin

Abstract. *Russian literary studies practically disregarded the prose by a German writer J. M. R. Lenz who is more famous as a playwright and theorist of literature. This article is partially filling the gap by analyzing Lenz’s story “Zerbin, or the newer philosophy” (1775). On the one hand, it shows that the range of problems and motifs of the story corresponds to the artistic paradigm of “Sturm and Drang” movement and, on the other hand, the article investigates the meaning of the subtitle “newer philosophy”. A conclusion is drawn that the protagonist of the story follows diverse and even opposite fashionable philosophic doctrines but none of these is able to make him happy. It results in the wreck of the key dream of “stormy geniuses” about an autonomous character, relying merely on himself. The protagonist’s behavior is constantly determined by alien discourses and he fails to find their resultant which leads to his dishonest deed and death. At that point Lenz speaks as a typical representative of “Sturm and Drang” and at the same time, as a precursor of modernistic literature with such features as a split ego, incompatibility of ideal and reality, alienation and objectification of a person in the social environment.*

Keywords: *J. M. R. Lenz, “Sturm and Drang”, philosophy of the Enlightenment, autonomous character, determination by discourses, split ego, protomodernism.*

Cite as: Gladilin N. V. “Zerbin, or the newer philosophy” by J. M. R. Lenz with reference to “Sturm und Drang”. *Nauka i shkola*. 2022, No. 3, pp. 11–19. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-11-19.

Творчество немецкого писателя Якоба Михаэля Рейнгольда Ленца (1751–1792), одного из ведущих представителей литературного движения «Буря и натиск», не раз становилось предметом исследования отечественных ученых. Однако единственное исследование на русском языке, посвященное совокупным аспектам творчества Ленца и одновременно наиболее полно отражающее его биографию, написано М. Н. Розановым еще в 1901 г. и при всех своих несомненных достоинствах несколько устарело. Современные же исследования творчества Ленца, из которых следует назвать, в первую очередь, кандидатские диссертации В. А. Фортунатовой (1973), Ю. В. Лойкеля (1992), С. А. Буриковой (2008), осуществляют анализ почти исключительно драматических произведений Ленца («Гувернер», 1774, «Новый Менюза», 1774, «Солдаты», 1776)

и его теоретических трудов («Заметки о театре», 1774, «Об изменении театра у Шекспира», 1776, и др.). За рамками этих работ практически остается творчество Ленца-поэта и Ленца-прозаика. Мы поставили себе задачу частично восполнить этот пробел. Так, в настоящем исследовании речь пойдет о повести «Цербин, или Новая философия» („Zerbin, oder die neuere Philosophie“), созданной в 1775 г., причем в первую очередь нас будет интересовать, насколько это сочинение вписывается в художественную парадигму «Бури и натиска».

Следует отметить, что прозаические сочинения Ленца (кроме «Цербина» уместно назвать, в первую очередь, «Дневник», 1774, «Лесного отшельника», 1776, опубл. 1882, и «Деревенского проповедника», 1777) во многом автобиографичны и посвящены внутренней жизни молодого человека из поколения

«штюрмеров». На основании этих произведений возможно выявить как типические черты мироощущения целого литературного поколения, так и индивидуальные особенности личности конкретного автора.

На мировоззрение Ленца оказали большое влияние критическая философия И. Канта, лекции которого будущий писатель слушал в пору своего обучения в Кенигсбергском университете, а также труды французских просветителей, прежде всего – Ж.-Ж. Руссо с его апологетикой «естественной религии». Но было бы слишком смело зачислить писателя в ряды последователей какого-то конкретного философа. «Новая философия», о которой идет речь в «Цербине», – понятие неоднозначное, переменчивое, текучее. Повесть начинается с горького сетования: «Сколь многообразны разновидности бед человеческих! <...> Мы живем в век, когда человеколюбие и чувствительность стали нередким явлением: почему же получается, что среди нас так много несчастных?»¹ [1, S. 354]. Так, уже с самого начала Ленц провозглашает, что его волнуют вопросы теодицеи и антроподицеи, возникновения и существования в «человеколюбивом», «чувствительном» обществе бед и несчастий. Невзирая на всеобщее смягчение нравов среди «просвещенной» публики, на укрепление роли любви и дружбы в период сентиментализма и на рецепты всеобщего счастья, предлагаемые философами-просветителями, Земля по-прежнему остается юдолью скорби.

Заглавный персонаж – молодой ученый, выходец из бюргерского сословия, провозгласил своим девизом «не давать себя унижить никакой судьбе, какого бы то ни было рода. Он считал недостойным человека уступать обстоятельствам, и это благородное умонастроение (у новичка в жизни я не знаю более благородного)

было источником всех его многочисленных бед» [1, S. 354–355]. Так, сразу же в повести утверждается несовместимость высоких идеалов с практическим счастьем. Идеал абсолютного суверенитета «просвещенной» личности сравнивается с воздушным замком: «быть всем обязанным самому себе, – такими были его план, его великая мысль, воздушный замок всех его желаний» [1, S. 355]. В погоне за провозглашенным идеалом Цербин отказывается от всяческой помощи со стороны отца – коммерсанта и ростовщика, нажившего несправедливым путем огромное состояние и желающего сделать сына наследником своего предприятия. Вместо этого юноша самозабвенно предается изучению наук, в первую очередь математики. Он мечтает разбогатеть своим трудом, гордо предъявить свое богатство отцу и сподвигнуть того на щедрую благотворительность. Провозглашенная Цербином программа полной автономии субъекта, во всем полагающегося только на себя, всецело отвечает ключевому концепту «Бури и натиска» – грезе о *Selbsthelfer* (герое-«самостоятеле»), наиболее ярко воплощенной у Гете в «Геце фон Берлихингене» и у Клингера в «Самсоне Гризальдо». Вместе с тем это созвучно антропоцентрической идеологии французских просветителей. «Возможно, причина кроется в природе человеческой души и ее решений, которые, возникая, всегда привиты к древу любви к себе, и только благодаря времени и обстоятельствам получают видимость бескорыстия» [1, S. 356] – так могли бы сказать записные апологеты «любви к себе», например, Гольбах и Гельвеций. Заметим также, что бунт Цербина против отца отсылает к биографии самого Ленца, послушавшегося собственного родителя и в пику тому бросившего теологический факультет университета ради тернистого пути свободного литератора. Ленц как бы намекает, что в

¹ Все цитаты из произведений Ленца и трудов зарубежных исследователей даются в переводе автора настоящей статьи.

его поступке им самим руководили не какие-то соображения высшего порядка, а все та же «любовь к себе».

Уже в начале повести Ленц оговаривает, что ни в коем случае не хотел бы идеализировать своего героя, и тем самым подчеркивает реалистический в своей основе характер собственного творчества. Ведь в главном своем теоретическом труде, «Заметках о театре», он признается, что предпочитает верного реальности художника или даже карикатуриста тому, кто склонен к идеализации [см.: 1, S. 653]. Писатель рисует типического героя в типических обстоятельствах, характерного представителя своего поколения и своей социальной группы – бюргерского интеллигента, вступившего в жизненную борьбу за индивидуальное счастье, изначально полного радужных надежд и ослепительных иллюзий. В этом он солидарен с другими авторами «Бури и натиска», отстаивающими свою персональную исключительность и стремящимися занять достойное место в позднефеодальной обществу. «Любовь к себе» – главная движущая сила этого стремления. Однако Цербин, довольно рано проявляющий интерес к моральной философии, поначалу отдает предпочтение этической доктрине немецкого просветителя Х. Ф. Геллерта, чьи лекции он усердно посещает. Это учение гораздо более традиционно и альтруистично, но, как указывает Х. С. Мэдлэнд, в действительности Цербин исповедует геллертову мораль в соответствии с отрицательными свойствами собственной души: «Геллерт пропагандирует идеал антиреалистического сентиментализма и предпочитает приватную добродетель участию в публичной жизни, полной умелого притворства и ложной репрезентации. Точка зрения Геллерта импонирует серьезному, сентиментальному и несмелому Цербину» [2, p. 124].

В самом деле, мнимый «бунтарь» Цербин лишен душевной храбрости и склонен к пустым сантиментам. В особенности это проявляется в его

отношениях с женщинами. Его идеал сентиментальной любви, явно почерпнутый из сочинений Руссо, разбивается при соприкосновении с действительностью. Влюбляясь в женщин из высшего круга, он не может мечтать об ответных чувствах уже хотя бы в силу сословной дистанции. Кроме того, он совершенно не в состоянии верно интерпретировать поведение объектов своей страсти, в первую очередь – их истинные чувства к нему самому. Так, кокетка-дворянка Ренатхен успешно использует его как мячик в своих хитроумных играх: «Наш неопытный Цербин был первой жертвой этого Александра [Македонского] в юбке. Не то, чтобы ее усилия были направлены на него самого, но он должен был служить инструментом в ее руке, чтобы вести охоту на сердце другого» [1, S. 359]. Этот «другой», конечно же, не ровня Цербину – богач, дворянин, блестящий офицер. Когда протагонист понимает, что его всего лишь использовали как игрушку, проходит через глубокий личностный и в связи с ним – профессиональный кризис, он резко меняет свои взгляды на взаимоотношения полов. Во главу угла он начинает ставить половой контакт с женщиной.

Тема подавляемой и противоестественно высвобождаемой сексуальности красной нитью проходит через драматические произведения Ленца. В этом нарушении вековых табу он также вполне писатель «Бури и натиска», подобный Клингеру и Гейнзе. В «Цербине», однако, сексуальные притязания протагониста долгое время не находят удовлетворения. Неведом ему и путь сублимации плотских позывов. В конечном счете, это ведет к масштабной ревизии Цербином своих этических установок, к его переходу на сторону плохо скрываемого либертинажа. От возвышенного идеала брака по любви, заключаемого на небесах, Цербин переходит к апологии чувственной распущенности: «Влечение – нечто общее для всех людей; это закон

природы. Общество не может отлучить меня от обязанностей закона природы на основании того, что они якобы противостоят общественным обязанностям. Покуда первые совместимы со вторыми, они позволены – да что я говорю? – они и есть обязанность» [1, S. 370]. Моральный оппортунизм Цербина на словах звучит опять как якобы бунт против социума; в действительности же это есть стратегия приспособления к нравам социума, далеким от высоких теоретических идеалов. Так, «новая философия» Цербина осуществляет дрейф к аморализму, плохо маскируемому софистическими выкладками. Показательны его отношения с равной ему по социальному статусу интеллектуалкой Гортензией, рассчитывающей выйти за него замуж: «Он обеспечит тебе хлеб насущный; ведь гораздо лучше называться госпожой магистершей, чем остаться незамужней, а он мыслит как порядочный человек». Но он не мыслит как порядочный человек; он не хотел делать эти твердые, точно отмеренные, рассчитанные шаги к состоянию священного брака, сколь бы он ни был алгебраистом, – он хотел любить» [1, S. 366]. При этом, как замечает М. Лузерке, «любовь Цербина содержит в себе нечто неестественное, ему важны только чувство и удовлетворение чувства, но женщина ему безразлична, она инструментализируется в качестве объекта» [3, S. 245]. Еще ярче это свойство «любви» Цербина проявляется в другой его внебрачной связи – с приходящей служанкой Марией. На сей раз уже сам Цербин выступает как представитель более высокого сословия, и потому чувствует себя вправе диктовать нормы и правила взаимоотношений со своей пассией. Он принципиально не собирается жениться на Марии, вновь оправдывая такое решение мнимой несовместимостью любви и брака. «Высокие понятия Цербина о святости сохраняемого блаженства, о небесах супружества исчезли. <...> Любовь казалась ему всего лишь ингредиентом, не относящимся к

обещанию вступить в брак; ему открылась великая мудрость наших сегодняшних философов: что брак есть обоюдная взаимопомощь, что любовь – преходящая блажь; мезальянс теперь казался его просвещенному разуму столь же непростительным преступлением, каким когда-то ему виделась адюльтер и совращение невинности» [1, S. 369]. Обратим внимание опять на детерминированность новой точки зрения Цербина «мудростью наших сегодняшних философов», то есть, в сущности, он вновь выступает как игрушка в руках интеллектуальных авторитетов, как восприимчивый и транслятор модных дискурсов, а вовсе не как автономная самосознающая личность. «Признать влечение естественным законом и перетолковать его как моральный долг – иронический контрафакт физической антропологии материалистов. И это ироническая шпилька против текстов Виланда, в особенности против его эпоса в стихах «Идрис и Зенида», откуда Ленц заимствовал имя персонажа «Цербин» [4, S. 196]. Ирония, несомненно, присутствует в рассказе о новом мировоззрении протагониста – на фоне дальнейшего, трагического развития событий никак нельзя согласиться с тем, что слова «его глаза начали открываться, как у наших прародителей, он видел все вещи в их верном соотношении» [1, S. 369] рассказчик произносит всерьез.

Действительно, связь Цербина с Марией заканчивается плачевно. Мария беременеет, но Цербин велит ей, во избежание кривотолков, рожать в другом городе. Ребенок оказывается мертворожденным, Марию облыжно обвиняют в детоубийстве и казнят. При этом несчастная мать упорно отказывается назвать имя отца ребенка, что показывает ее полное духовное превосходство над Цербином. От горя и презрения к себе протагонист совершает самоубийство. Зигзаги его философских исканий погубили и его самого, и доверившуюся ему девушку. Нравственное падение протагониста

особенно наглядно показано по контрасту с поведением Марии, которая рассматривается автором не как грешница, а как истинная героиня: так, о ее появлении на эшафоте с большой симпатией говорится: «Она стояла, примерно как одна из первых исповедниц христианства, спокойно ожидавших бесчестья и мученичества за свою веру» [1, S. 377].

Чуть ниже сказано: «Два, три дня все в городе были в смятении; во всех обществах говорили исключительно о красавице-детоубийце. Об этом происшествии писали стихи и трактаты» [1, S. 377–378]. Сама повесть Ленца, в сущности, является одним из таких «трактатов», чей автор дважды делегирует свою идентичность другим рассказчикам: в начале «Цербина» говорится о том, что данный текст найден в «посмертном наследии одного магистра философии» [1, S. 354], а ближе к концу – что он основан на записках самого Цербина [см.: 1, S. 379]. Таким образом, аутентичность истории Цербина иронически оспаривается, остраняется, и в то же время эта история объективируется, мифологизируется. Что же касается ее финала, то заметим, что, по подсчетам Х. Бекера, с 1774 г. до зимы 1775/76 г. в 13 произведениях Ленца 18 персонажей намереваются покончить с собой [см.: 5, S. 131ff.], пока чуть позже в «Цербине» и в трагедии «Англичанин» протагонисты, наконец, не осуществляют это намерение. Сам Ленц как человек религиозный долго не допускал мыслей о самоубийстве как в высшей степени греховных, но в 1778 г., переживая острый приступ психической болезни, все же совершил попытку суицида, к счастью неудачную. Безусловно, лишение себя жизни – мотив, восходящий к одному из ключевых текстов «Бури и натиска», «Страданиям молодого Вертера» Гете, вышедших в свет как раз в 1774 г., но в этом произведении причины самоубийства гораздо более «возвышенны»,

«благородны». Вместо неразделенной любви у Гете, в «Цербине» мы имеем дело с отвращением к себе и своей идеологической программе безнадежно запутавшегося, безвозвратно потерявшего себя человека. «Казус Вертера и казус Цербина, – пишет Х. Р. Ноллерт, – различаются по функциональному признаку: Вертер гибнет красивой смертью, тогда как Цербин лишает себя жизни, подводя баланс. В случае Цербина, как и в случае гувернера Лейффера, формально главенствующее положение становится зоной нравственного падения» [6, S. 665]. Но если внебрачный ребенок «гувернера» из одноименной трагикомедии Ленца остается жив и пьеса завершается счастливым концом, то в «Цербине» мы имеем дело с еще одним крайне популярным мотивом литературы «Бури и натиска» – реальным или мнимым детоубийством. Вот только в «Прафаусте» Гете, в «Детоубийце» Г. Л. Вагнера, в почти одноименном¹ стихотворении Шиллера мать ребенка показана как пассивная жертва соблазнения, совинновная в обоюдном грехе, а у Ленца Мария, не желающая навредить любимому человеку, приобретает по-настоящему героические черты.

Но что же сам Цербин? Хороший он человек или плохой, добродетельный или злой? «Он ни одному человеку не желал зла, кроме тех случаев, когда это желание подпитывалось другими людьми; тогда его гнев бывал даже непримирим, пока продолжал действовать машинный механизм чужого разума, вызвавшего подобный гнев» [1, S. 358]. Обратим внимание на метафору «машинь»: в другом своем сочинении, эссе «О Гецце фон Берлихингене», Ленц использует ее же для характеристики онтологической роли человека во вселенной: «Что такое человек, как не преимущественно искусственная маленькая машина, которая, лучше или хуже, встроена в большую машину, называемую

¹ Трагедия Вагнера в оригинале называется «Die Kindermörderin», а стихотворение Шиллера – «Die Kindsmörderin».

нами “мир”, “мировые события”, “ход вещей”?» [1, S. 637]. Что здесь остается от установки на «самостояние», «самостоятельность», «автономию» индивида, пропагандируемую штормерами – авангардом Просвещения? Здесь скорее находит выражение мысль другого радикального просветителя, барона Гольбаха, о том, что человек во всем повинуется своим влечениям и общественным установлениям, а потому совершенно лишен свободы [см.: 7, с. 86]. «Человек как машина, как бесполозная кукла, как беспомощная и манипулируемая шестерня внутри великой машинерии социума – ключевая метафора во многих произведениях Ленца. Цербин, многообещающий молодой человек из Берлина, которого его создатель описывает как обладающего глубоким и пылким воображением, репрезентирует неспособность индивида утвердить стабильное и интегрированное «я» во враждебно настроенном обществе [2, p. 120].

Исследуя вопрос об отношении Ленца к сексуальности, тематизируемой им практически во всех главных произведениях, А. Хорн указывает, что для писателя «либертинаж не предоставляет моральной свободы, он предоставляет в лучшем случае удовольствие, которое, однако, ограничено во времени, поскольку оно ведет от одного объекта вожделения к другому, пока сексуальная энергия либертина не иссякает <...>, в то время как благодаря любви она постоянно поддерживается, словно в *regretium mobile*» [8, S. 159]. В своих собственных морально-философских эссе, особенно в неозаглавленных заметках, обычно именуемых «Жизненные правила», Ленц выступает как ярый противник любых сексуальных помыслов и деяний, за исключением практикуемых в законном браке [см., напр., 9, S. 310]. Тем не менее до своего заболевания писатель только и делает, что влюбляется во встречных женщин, без конца флиртует, а вступить в законный брак ему не удается – вследствие полной житейской

неустроенности и неадекватного восприятия ситуации, как у его героя в юности.

Зарубежные ученые сходятся в том, что в «Цербине» Ленц не только ставит под сомнение модные философские теории своего времени, но и отражает собственные личные проблемы, прежде всего сексуальные, в скором времени вызвавшие у него тяжелую психическую болезнь. Как полагают И. Штефан и Х.-Г. Винтер, «его отношение к женщинам уже рано содержит тенденцию с шизоидными чертами: вследствие двойственного и несчастливое представления о реальном человеке заменять желаемого партнера картиной, нарисованной в собственной фантазии, до тех пор, пока, наконец, эта картина, а не почти уже нереальный человек становится объектом любви» [10, S. 40]. В особенности эта тенденция нашла отражение в повести «Лесной отшельник», герой которой жаждет не обладания любимой женщиной, в любом случае невозможного в силу сословной пропасти, а всего лишь обладания ее портретом. Характеризуя психотип писателя, Х.-Г. Винтер отмечает: «Ленцу не хватает способности обычного человека сглаживать противоположности, заключать компромиссы, вытеснять непокорное. Ленц вбирает конфликты в собственное «я» и познает их как свою собственную расколотость вместо того, чтобы, подобно «здоровому», вытеснять их, отвергать или проецировать на другие сферы или других людей. Например, Ленц, согласно родительским заповедям, телесно подавляет сексуальные позы, с другой же стороны, снова и снова вынужден признаваться, что уступает им» [11, S. 101]. Болезненный характер творчества Ленца, безусловно, заключается в том, что он открыт всем современным ему дискурсам, всем «новым философиям» – от прославления эгоизма и гедонизма (французские материалисты) до проповеди строгой моральной аскезы (авторитарный пастор Х. Д. Ленц, отец писателя) – и при этом, как и его герой Цербин, не способен отыскать

их равнодействующую, примирить их. В «Цербине» находит свое наиболее яркое выражение глубокое отчаяние, бессилие автора перед лицом множущихся в его эпоху дискурсивных установок, практических руководств по жизнеустройству. «Если цель протагониста, – пишет Г. Бертрам, – состояла в том, чтобы избавиться от всех суфлирующих сил, то текст Ленца повествует о том, что эти силы – в каком бы то ни было обличье – возвращаются» [12, С. 49].

Но это драма не только Ленца – это драма целого поколения. Несмотря на то, что некоторые штурмеры (Гете, Клинггер) вполне успешно интегрировались в социум и сделали головокружительную карьеру, их ранние произведения исполнены глубокой меланхолии, их герои большей частью проигрывают противостояние с мирозданием и социумом, запутываются в «конечных» мировоззренческих вопросах. В результате, все эти персонажи гибнут. Достаточно вспомнить Вертера и Клавиго Гете, Отто, Гвельфо, «страдающую женщину» Клингера, Карла Моора и Фиеско Шиллера... Это привело к скорому исысканию героического импульса

«Бури и натиска». Громко заявившее о себе литературное течение просуществовало всего около десятилетия, и его видные представители довольно быстро перешли на иную эстетико-философскую платформу. Но Ленц, в отличие от Гете, Шиллера, Клингера, «перестроиться» не сумел. «Ленц лишь метеором промелькнул на горизонте немецкой литературы и погас, не оставив следа» [13, с. 510], – писал Гете в «Поэзии и правде», не предполагая, что потомки очень даже оценят «след», оставленный его бывшим другом. С одной стороны, «будучи одним из самых пылких адептов сближения литературы с жизнью, Ленц был одним из предшественников реализма XIX века» [14, с. 499]. С другой стороны, в его творчестве уже намечены антиномии, характерные для позднейшей модернистской литературы: расщепление «я», отчуждение и овеществление человека в социуме, конфликт между должным и сущим, идеалом и реальностью, влечением и нормой. Одним из ярких примеров такого предвосхищения остается небольшая повесть «Цербин, или Новая философия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lenz J. M. R. Werke und Briefe in drei Bänden. Bd. 2.* Hrsg. von S. Damm. München: Hanser, 1987. 958 S.
2. *Madland H. S. Image und Text: J. M. R. Lenz.* Amsterdam – Atlanta, GA: Rodopi, 1994. 166 p.
3. *Luserke M. Sturm und Drang. Autoren, Texte, Themen.* Stuttgart: Reclam, 1997. 389 S.
4. *Lehmann J. Leidenschaft und Sexualität: Materialistische Anthropologie im Sturm und Drang.* J. R. M. Lenz' „Die Soldaten“ und „Zerbin“ // Sturm und Drang. Epoche, Autoren, Werke. Hrsg. von M. Buschmeier und K. Kauffmann. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2013. S. 180–202.
5. *Böcker H. Die Zerstörung der Persönlichkeit des Dichters J. M. R. Lenz durch beginnende Schizophrenie.* Diss. med. Bonn, 1969. 257 S.
6. *Nollert H. R. “Immer schweb ich ums Haus herum”. How Cash Flow Spooks the Theatrical Household / Modern Language Notes; Baltimore, Apr. 2014. Vol. 129, No. 3. P. 658–669.*
7. *Кассирер Э. Философия Просвещения. Пер. с нем. В. Махлина. М. – СПб.: Центр гуманитарных исследований, 2017. 400 с.*
8. *Horn A. Sinn und Sinnlichkeit in den Schriften J. M. R. Lenzens // Temeswarer Beiträge zur Germanistik. 2008. Bd. 6. S. 149–168.*
9. *Lenz J. M. R. Gesammelte Schriften in vier Bänden. Vol. 4.* Hrsg. von E. Lewy. Berlin: Cassirer, 1909. 392 S.

10. *Stephan I, Winter H.-G. Ein vorübergehendes Meteor? J. M. R. Lenz und seine Rezeption in Deutschland.* Stuttgart: Melzer, 1984. 260 S.
11. *Winter H.-G. J. M. R. Lenz.* Stuttgart: Melzer, 1987. 288 S.
12. *Bertram G. W. Philosophie des Sturm und Drang. Eine Konstitution der Moderne.* München: Fink, 2000. 284 S.
13. *Гете И. В. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Из моей жизни. Поэзия и правда.* Пер. с нем. Н. Ман. М.: Художественная литература, 1976. 718 с.
14. *Розанов М. Н. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц, его жизнь и произведения: критич. исследование: с прил. неизд. материалов.* М.: Унив. тип., 1901. 655 с.

REFERENCES

1. Lenz J. M. R. *Werke und Briefe in drei Bänden.* Bd. 2. Hrsg. von S. Damm. München: Hanser, 1987. 958 S.
2. Madland H. S. *Image and Text: J. M. R. Lenz.* Amsterdam – Atlanta, GA: Rodopi, 1994. 166 p.
3. Luserke M. *Sturm und Drang. Autoren, Texte, Themen.* Stuttgart: Reclam, 1997. 389 S.
4. Lehmann J. Leidenschaft und Sexualität: Materialistische Anthropologie im Sturm und Drang. J. M. R. Lenz’ „Die Soldaten“ und „Zerbin“. In: *Sturm und Drang. Epoche, Autoren, Werke.* Hrsg. von M. Buschmeier und K. Kauffmann. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2013. S. 180–202.
5. Böcker H. *Die Zerstörung der Persönlichkeit des Dichters J. M. R. Lenz durch beginnende Schizophrenie.* Diss. med. Bonn, 1969. 257 S.
6. Nollert H. R. “Immer schweb ich ums Haus herum”. How Cash Flow Spooks the Theatrical Household. *Modern Language Notes*; Baltimore, Apr. 2014, Vol. 129, No. 3, pp. 658–669.
7. Cassirer E. *Filosofiya Prosveshcheniya.* Transl. by V. Makhlin. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh issledovaniy, 2017. 400 p. (In Russian)
8. Horn A. Sinn und Sinnlichkeit in den Schriften J. M. R. Lenzens. *Temeswarer Beiträge zur Germanistik.* 2008. Bd. 6. S. 149–168.
9. Lenz J. M. R. *Gesammelte Schriften in vier Bänden.* Vol. 4. Hrsg. von E. Lewy. Berlin: Cassirer, 1909. 392 S.
10. *Stephan I., Winter H.-G. Ein vorübergehendes Meteor? J. M. R. Lenz und seine Rezeption in Deutschland.* Stuttgart: Melzer, 1984. 260 S.
11. *Winter H.-G. J. M. R. Lenz.* Stuttgart: Melzer, 1987. 288 S.
12. *Bertram G. W. Philosophie des Sturm und Drang. Eine Konstitution der Moderne.* München: Fink, 2000. 284 S.
13. *Goethe J. W. Sbranie sochineniy in 10 Vols.* Vol. 3. *Iz moyey zhizni. Poesiya i pravda.* Transl. by N. Man. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1976. 718 p. (In Russian)
14. *Rozanov M. N. Poet perioda “burnykh stremleniy” Yakob Lents, ego zhizn i proizvedeniya: Kritischeskoe issledovanie s prilozheniem neizdannyykh materialov.* Moscow: Univ. tip., 1901. 655 p.

Гладилин Никита Валерьевич, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва

e-mail: nikitagl@inbox.ru

Gladilin Nikita V., ScD in Philology, Associate Professor, Assistant Professor, Foreign Languages Department, A. M. Gorky Literature Institute, Moscow

e-mail: nikitagl@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 26.04.2022
The article was received on 26.04.2022